



ОБРЫВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ДАШКОВА

18+

Ольга Викторовна Дашкова

Обрыв

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63764383

SelfPub; 2023

Аннотация

Я бежала так далеко: от прошлого, от самой себя, от мужа. Бежала, потому что не умею бороться, не умею быть сильной. Теперь я – другой человек, с чужим именем и чужой историей, но мое личное прошлое, что я пытаюсь забыть и от которого хочу надежно спрятаться, нашло меня даже здесь, вдали от дома. Придется учиться быть сильной, ведь защитить меня некому. Или есть? Ранее роман назывался «Обрыв».

Ольга Дашкова

Обрыв

Глава 1

Вера

Не люблю холод, не люблю зиму и все, что с ней связано, даже этот спящий белый снег на фоне чёрного леса – не люблю так, что раскалывается голова.

Ноябрь – это всего лишь ноябрь, а снега столько, словно уже середина января, именно так в тех местах, откуда я. В какие ещё далекие дали меня занесёт мое бегство? Хотя то, где я сейчас – это ещё не крайний север, у меня всё впереди. Паршивая перспектива.

Забор. Почему такой длинный, нескончаемый забор? Не хватает вышек, колючей проволоки и лая собак. Снова несучушь, нервы. Да бог с этим забором! Красный кирпич, белый снег, чёрный лес. Интересно, здесь водятся волки?

В салоне такси надрывно заливалась Адель, что-то про боль и разбитое сердце. Даже символично.

Ход мыслей прервал громкий сигнал автомобиля, оказывается, мы уже приехали. Массивные кованые ворота были закрыты, но спустя полминуты они распахнулись – и нас наконец-то впустили на территорию участка.

Ровное пространство, красивые голубые ели – все вокруг, как и везде, в снегу, он искрит на солнце и слепит глаза.

Расчищенные дорожки, большое крыльцо шикарного белого особняка. Но мы проезжаем мимо. Ах да, конечно, центральный вход не для меня, плавно огибаем огромное строение и тормозим возле крыльца поменьше.

Охрана делает вид, что она незаметна, как и положено охране. Несколько камер по фасаду и звонкий лай – а я угадала с собаками. Нет, я вовсе не зануда, но за несколько лет моих скитаний приходится все замечать и подмечать, делать сравнения и выводы. Я раньше жила в доме, подобном этому, менялась охрана, на ночь выпускались собаки, и камеры так приветливо мигали красными огоньками.

Я долгое время не понимала: меня так фанатично охраняли или всё-таки этот дом был моей тюрьмой? Да и куда мне в то время что-то понимать, наивная, глупая... дура!

На крыльце стояла невысокая полноватая женщина в сером строгом платье и дружелюбно улыбалась. Женщину звали Тамара Степановна, мы общались по телефону три дня назад. Случайно подслушанный мной разговор в одном из кафе торгового центра, а также так случайно забытый буклет какого-то агентства по подбору персонала с написанным телефоном для связи, – все это стало началом моей новой карьеры.

Не в моем положении раскидываться такими подарками судьбы. Быстро набрала номер, приятный голос сообщил, что в большой загородный дом на зимний сезон срочно требуется экономка, а точнее, доверенное лицо хозяина дома.

Это, безусловно, звучит солидней, но сути не меняет. Требуется срочно и немедленно, может быть, именно поэтому так быстро согласились на мою кандидатуру и так горячо ждали приезда. Хотя теперь, проделав такой путь, я понимаю, что сюда, далеко и безвылазно, поедет не каждый, это точно. Как раз то, что надо мне.

С меня взяли паспортные данные, конечно, служба охраны должна проверить нового работника. Прощупать со всех сторон его благонадежность. Это не придорожное кафе, а я уже не официантка, где всем было абсолютно все равно, кто я такая и откуда. Вот тут могут возникнуть сложности. И пойду я вдоль этого забора из красного кирпича пешком по снегу до трассы. Перспектива так себе.

– Добрый день, я очень рада видеть вас, Вера Васильевна, – Тамара Степановна с интересом рассматривает меня, пребывая в легком недоумении. – Можно просто Вера? Право, я не думала, что вы столь молоды.

– Нет, это всего лишь на первый взгляд, очень рада знакомству, Тамара Степановна, – подхожу ближе, снимая перчатки, протягиваю руку.

– Ох, что вы, Вера, это комплимент, но, уверяю вас, вы выглядите словно девочка, и меня, знаете ли, смущает это, – Тамара Степановна пожимает мою холодную ладонь и приглашает зайти в дом.

– Что именно вас смущает? Что я могу с чем-то не справиться?

– Нет, дело не в этом, – мы все-таки заходим в небольшой холл. – Вам придется жить здесь не один месяц, пока я не вернусь, а это почти замкнутое пространство, в котором достаточное количество мужчин, молодых и крепких. Могут возникнуть не совсем приятные ситуации, хотя я уверена, что мальчишки не наделают глупостей, хозяин этого не любит, – женщина слегка задумалась и отвела взгляд в сторону.

– Мальчишки, это, я понимаю, охрана?

– Да, да, но я говорю снова глупости и пугаю такую милую молодую женщину, не слушайте меня. Очень волнуюсь, предстоит серьезная операция, надо срочно уезжать и оставить свое хозяйство.

– Да, хозяйство, я смотрю, большое.

– Пойдемте, Вера, вы разденетесь, я покажу вам вашу комнату, и мы обо всем поговорим позже. Вы с дороги, вам надо отдохнуть.

Идем по бесконечным коридорам, темные полы без покрытия, так отчетливо слышны наши шаги, бежевые стены, лестница наверх.

– В доме два крыла, – рассказывает по пути Тамара Степановна, – левое – то, где мы сейчас – это крыло прислуги, персонала и охраны, внизу кухня, прачечная, котельная, серверная, там же столовая для персонала, на втором этаже комнаты тех, кто здесь ночует или живет. А вот и ваша комната.

Снова темный пол и бежевые стены, но все довольно мило и функционально: кровать, комод, тумба и отдельная ду-

шевая.

– Вера, вы отдохайте, ваш багаж принесут, а я зайду чуть позже.

Дверь закрылась, и я осталась одна. «Ну, что, Вера Васильевна, – сказала самой себе, – если служба безопасности не пробила мой паспорт и меня не вышвырнут, как котенка на мороз, перезимуем как-нибудь». Далекая даль и дикая глушь – моё любимое место.

Глава 2

Вера

– Стрельникова Вера Васильевна, одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, место рождения город Самара, в браке не состоит, детей нет, все верно?

Начальник службы безопасности местного олигарха, хозяина, босса, шефа и отца-кормильца, а в том, что это очень богатый человек, судя по внушительному забору, сомнений нет, смотрел на меня сверху вниз пронзительным взглядом голубых глаза методично задавал вопросы. Работа у него такая.

– Да, все верно, одиннадцатого апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, город Самара, родильный дом №1, мать Стрельникова Мария Викторовна, отец неизвестен. Образование высшее.

Я знала свою биографию наизусть, могла даже рассказать имена одноклассниц, кличку кота и первого парня Стрельниковой Веры, могут проверять сколько угодно, если не ко-

пать глубоко.

– Я не люблю работать в такой спешке, всегда стараюсь выполнять свою работу качественно и профессионально. На проверку вашей личности, Вера Васильевна, уйдет чуть меньше суток, кое-какая информация уже есть. Надеюсь, у меня с вами не возникнет проблем, так, Вера Васильевна?

Пронзительные голубые глаза начальника службы безопасности впились в мое лицо, настойчиво исследуя, взгляд заскользил вниз по шее, на вырез платья, еще ниже, до обтянутых тканью бедер, и вернулся опять к лицу.

Он даже не предложил мне присесть, но представился: Морозов Глеб – так просто, без отчества, хотя сканировал он меня с замашками следователя по особо тяжким, или это называется взгляд профессионала? Что ж, спишем все на его тяжелую работу. Я вообще ни разу не удивлюсь, если здесь, в этом шикарном особняке, есть очень темный подвал и камера пыток. Вот меня туда этот «милашка» Морозов Глеб отведет лично, если что-то пойдет не так.

– Проблем не возникнет, я вас уверяю, – отчеканила я, прилепив милую улыбку.

Ему на вид и сорока нет, хорошо сложен, цепкий взгляд, красивые глаза, такие голубые, как морозное небо января, четкий профиль, короткая стрижка. Снова взгляд на меня и легкая, но какая-то пакостная улыбка – не нравится мне это.

– Предупреждаю вас, Вера Васильевна, вы приехали сюда

выполнять определенные обязанности, давайте не выходить за рамки, не проявлять инициативу и не строить иллюзий.

– Я вас не совсем понимаю, – непонимание в моих глазах отразилось так явно, что ухмылка с его лица исчезла. – Я прекрасно знаю функции и обязанности экономки, могу вас заверить, что по поводу закончившейся туалетной бумаги или средства для травли крыс я вас беспокоить не стану. Если возникнут более глобальные проблемы, я непременно обращусь именно к вам.

Слушая всю мою тираду, начальник службы безопасности смягчился в лице и как-то по-хитрому улыбнулся.

– Ну-ну, я все понял, не надо так остро реагировать, вы можете идти, Вера, – и указал на дверь.

– Скот, – захлопнув дверь, пробубнила я. Наглый, уверенный скот, хотя девочкам такие нравятся. Вояка, преданный пес своего хозяина. Но кто знает, что у него внутри, такой и хозяину глотку перегрызет.

Обход особняка занял добрый час. Кричащее богатство, отнюдь не лишённое вкуса, радовало глаз. Столовая: красное дерево, хрусталь и стекло; гостиная: мрамор, стекло и снова хрусталь; цоколь: сауна, бильярдная, бассейн, небольшой кинотеатр. В блоке прислуги несколько спален, кладовая – с объяснением, где что лежит, сколько чего и куда необходимо, стратегические запасы на случай оккупации, ну это уже мысли вслух.

– Вера, я вас не сильно утомила? – Тамара Степановна

тревожно посмотрела мне в глаза.

– Нет, что вы, я все запомнила, и если тот мужчина, начальник службы безопасности, проверит мою родословную, и она подойдёт для данного места, то я с удовольствием займусь этим большим хозяйством до вашего возвращения. Вам не о чем сильно переживать, – я старалась улыбаться и как можно мягче смотреть на милую женщину.

– А, вы про Глеба? Ой, Глебушка прекрасный мальчик, он так предан своему делу и Егору Ильичу.

Глебушка? Как мило. Глебушка мил, как бультерьер. Хватка, оскал – все при нем.

– Я понимаю, Тамара Степановна, безопасность – это очень важно, тем более я новый человек. Егор Ильич – это хозяин, я так понимаю? Когда можно будет и надо ли мне с ним знакомиться?

Мы как раз завершили обход, вернувшись в начальную точку, на огромную кухню. Тамара Степановна остановилась, опираясь рукой на столешницу.

– Вам плохо? Чем мне помочь? – я была встревожена, быстро нашла стакан, налила воды и протянула женщине.

– Спасибо, Вера, – она отпила глоток и поставила стакан обратно, – у меня обнаружили опухоль, неприятный диагноз, но что есть – то есть. Узнав об этом, Егор Ильич не стал ничего слушать, и вот я лечу в какую-то суперклинику делать супероперацию, вернусь ли, не знаю.

– Ну, что вы, Тамара Степановна, все непременно будет

хорошо,— хотелось поддержать, приободрить, хоть как-то помочь— чем могу, но разве я могу хоть что-то?

— Вот поэтому мы так быстро искали мне замену на первое время, а потом уже как сложится.

— Егор Ильич очень хороший человек, раз так заботится о вас.

— Да, хороший, но сложный,— женщина снова как-то задумалась, но быстро собралась и продолжила: — Он приедет завтра, и не только он, к вечеру приедет прислуга и повар, они знают, что и как делать, займут свои комнаты, вот тогда вас и представят, но это буду уже не я.

Глава 3

Вера

Стоять под горячими струями душа было приятно, мышцы расслаблялись, уходила усталость, но вернулась тревога, откуда она взялась, это я понять не могла, нет причин и предпосылок для неё.

Прокручивая в памяти прошлый вечер, невольно улыбнулась. Представление меня как новой экономки прошло почти торжественно. Начальник службы безопасности Глебушка собрал всех, кто был, в холле крыла для прислуги. Вручил мне мой же паспорт, произнёс речь на тему уважения, гаркнул на своих парней из охраны, чтобы держали гениталии при себе, осмотрел меня с ног до головы холодным взглядом, мол, я за тобой слежу, и удалился, видимо, решать дела поважнее, чем какая-то там странная экономка.

Тамара Степановна уехала ещё раньше, я искренне желаю ей выздоровления. Две женщины-горничные, приходящие каждый день из соседнего посёлка, оказались вполне нормальными, платят им хорошо, работа не пыльная, хозяйки почти не видели. Парни из охраны ушли вслед за боссом, повар— пожилой мужчина— занимался своим делом, иначе охрана останется голодной, а Глебушка— злым. Ох, не хотелось бы мне такого врага, поэтому надо спрятать своё жало куда подальше и просто мило улыбаться. Вера умеет мило улыбаться.

Я практически не спала, ночь была лунной, я стояла у окна и вглядывалась в темноту, отчётливо был слышен вой волков, на этот вой лаяли собаки. И с волками, и с собаками я угадала. Я снова в тюрьме, она в моей голове, иллюзия свободы, столько времени я самонадеянно считала, что могу спокойно и нормально жить, но нет, его нет рядом, а я все равно бегу и живу по его правилам.

Утро нового дня, горячий душ. Машинально провела рукой по животу, задев старые шрамы, и тут же отдернула. Не сейчас, не время для воспоминаний.

Быстро домылась и вышла, вытираясь на ходу. Я предельно собрана, в зеркале молодая женщина, чёрное закрытое платье, туфли на небольшом каблуке, никаких украшений, но есть макияж, чтобы казаться старше. Меня зовут Вера, и мне тридцать три года. Я так вжилась в шкуру Веры, что забыла, кто я такая на самом деле, вот бы было хорошо забыть

совсем все.

На кухне царила суета, все готовились к приезду хозяина, посуда отполирована, спальни готовы, даже затоплена сауна. Половина дня прошла в работе, все-таки было сомнение, что смогу справиться, но кругом был порядок, и четкие вчерашние указания Тамары Степановны помогали.

Все бы ничего, но все молчали— молча завтракала охрана, повар молча занимался кухней, не то чтобы яочень любила поговорить, но люди ведь как-то должны общаться между собой. Ладно я, у меня давно внутренние диалоги со своим разумом.

Начальник охраны в черном костюме и белой рубашке был ослепителен и неотразим. Мы сегодня как люди в черном— ждем прибытия высшей силы, и, если этой силе что-то не понравится, нас испепелят.

Глебушка буркнул мне:«Приятного аппетита» и молча жевал завтрак. Наблюдая за ним с другого конца стола, отметила: он, безусловно, хорош, сильные руки, крепкая шея, он что-то все ковырялся в телефоне и даже не обращал на меня внимания.

На мгновенье представила, какая у него может быть семья, обязательно хрупкая девушка и маленькая дочурка с такими же голубыми глазами. Часто фантазирую и примеряю на себя чужую жизнь, как будто мне мало того, что я живу чужой жизнью. Нередко в этих фантазиях представляю себя, вот я заботливо поправляю на нем пиджак, он нежно обни-

мает и целует в висок, заправляя волосы за ухо...

– Вера, вы так на мне дыру протрете своим взглядом, – Морозов отрывает глаза от телефона и пристально смотрит на меня, снова его эта холодная оценка происходящего.

– Вы привлекательный мужчина, сильный, знающий свое дело и, безусловно, любящей его, отчасти потому, что другого просто не умеете, а еще вы делаете неверные выводы, но это уже на ваш чисто мужской взгляд. Я поняла, на что вы вчера так упорно намекали мне в своём кабинете, и нет, я не охотница за богатыми мужчинами, строить глазки вашему хозяину я не собираюсь.

– Интересная вы женщина, Вера, – он так странно протянул мое имя, словно пробуя на вкус. – Загадка в нашей забытой глуши, это меня и настораживает, вас хочется разгадать, да и просто глядя на вас, много чего хочется.

– Посчитаю это за комплимент, приятного аппетита, Глеб, извините, надо работать, – уношу чашку на мойку и покидаю кухню. Да, странные дела, не хватало мне еще ухажёра занять здесь.

Напряженное ожидание хозяина отразилось и на мне, как-то резко захотелось курить. Накинув пальто, вышла на крыльцо заднего двора. Солнце также слепило глаза, собаки где-то надрывалась лаем в своих вольерах, аромат ментола оседал никотином на губах. Если закрыть глаза, подставив лицо солнцу, можно представить, что нет ничего вокруг, нет снега и этого ожидания зимы, нет того холода, что сковывает

душу.

Слышу шаги— уверенные, скрип снега, так не хочется открывать глаза, делаю последнюю затяжку, выпускаю дым в морозный воздух, поворот головы, глаза щурятся от слепящего солнца. Мужчина.

Черное пальто нараспашку, черная рубашка, в нашем ряду людей в черном прибавление. Строгий взгляд, он смотрит точно в мои глаза, он не оценивает, не осуждает, он просто смотрит. Выбрасываю сигарету в урну, кутаюсь в пальто, понимаю, надо как-то начать разговор, поздороваться, в конце концов, но не могу ничего произнести, смотрю на него, прямо в глаза, и не могу оторваться.

— Вы замерзли, лучше зайти в дом, — мужчина заговорил первым, я отвожу взгляд, киваю головой и, не произнеся ни слова, захожу в открытую им дверь.

— Простите, я не представилась, — начала я, когда уже зашли, — Стрельникова Вера Васильевна...

— Я знаю, кто вы, можете не объяснять. Идите, занимайтесь своими делами, — и ушел в сторону комнат охраны.

Вот и познакомились, как говорится, это и был собственной персоной наш хозяин, немногословен, однако. Я ждала помпезного появления, красной ковровой дорожки на фоне белоснежного крыльца и снега, черный лимузин, персонал, стоящий по струнке и приветствующий своего кормильца. Жаль, что вышло все не так, было бы красиво.

Меня даже как-то не совсем вежливо по-своему отосла-

ли на задний двор заниматься своими холопскими делами, у меня даже не было возможности залезть в интернет и разведать, кто вообще такой этот Егор Ильич, интернет глушился, но связь была. Любопытно просто было, куда все-таки я попала, хотя, Вера, надо было раньше думать об этом, как только увидела этот забор, все покоя не дает, вот тогда надо было разворачивать такси и гаситься дальше в той забегаловке.

Опасный мужик, очень, Глебушка и правда на его фоне милаха. О таких переломаешь зубы, но что-то в нем есть— такое опасно-притягательное, эта энергетика хищника, уверенность в себе и в том, что он может. А может он многое, если захочет.

Избавь меня, Господи, от мужиков, что при власти и деньгах, потому что, когда есть это гремучее сочетание, нет тормозов, все безнаказанно. Спасибо, мне хватило, рука как-то опять машинально легла на живот и замерла. Как бы я сейчас жила, не случись того, что случилось? Представить трудно.

Глава 4

Егор

Она стояла на крыльце, подставив лицо солнцу, глаза закрыты, на губах дым. Первое, что пришло на ум— Снежная королева, но вся в черном на белом фоне. Светлые прямые волосы до плеч зачесаны на один бок, макияж— лишь глаза и губы. Вот губы— да, слегка полноватые, с четким контуром, такие порочные. Она посмотрела на меня, глаза карие, слегка щурясь, а я сам не мог отвести глаз. Мистика какая-то.

– Вы замерзли, лучше зайти в дом, – открываю дверь, пропуская девушку вперед.

Ей, наверное, холодно, что-то говорит, я отвечаю, а в голове бардак, ответил не совсем то, что она ожидала, развернулся и ушел. Прекрасно, теперь буду бегать от первой попавшейся на глаза бабы, где Морозов ее нашел, где вообще таких находят?

– Морозов, – резко распахиваю дверь без стука, – что это там было такое, точнее, кто?

– И вам доброго дня, Егор Ильич, вы, как всегда, самовольничаете, отказываетесь от охраны и сопровождения, не соблюдаете время прибытия, зачем и для чего нужна охрана, если вы ей пренебрегаете?

– Ой, захлопнись, Морозов, я не королева Великобритании, выдохни и расскажи, кто это там курил на моем крыльце?

Как был, в пальто, я уселся в кресло и стал ждать объяснений.

– Вера Васильевна Стр...

– Я знаю, как ее зовут, ты мне писал. Где ты ее нашел?

– Она сама нашлась, позвонила Тамаре Степановне, приехала вчера утром, агентство по подбору персонала, хорошее агентство, я проверял и его, и девочку.

– Девочку? У нее в паспорте написано тридцать три года, далеко не девочка. Прошрое?

– Чисто, не состояла, не привлекалась. А чего случи-

лось-то, Егор Ильич?

– Да ничего, извини, казахи мозг ебут, фуры стоят, они ебут, все стабильно. И да, найди мне эту Веру, и пусть зайдет ко мне.

Резко встал и так же резко вышел. Дерьмовое утро, казахи, истерики Снежаны, безумно красивые губы новой экономки. Там что, в агентстве, не было никого более преклонного возраста? Как-то странно она меня завела.

– Вера Васильевна, вы должны зайти к Егору Ильичу, – так на официозе мне сообщил Глебушка.

Должна – так зайду. Стук каблучков по коридору, стук в дверь, краткое «зайдите». Здесь меньше света, кабинет словно в полумраке, книжные полки, широкий стол, открытый бар. Егор Ильич с бокалом спиртного. И снова этот взгляд, теперь он меня изучает как что-то странное, возникшее у него в кабинете.

– Присядьте, Вера, расскажите о себе, только не стандартную заученную биографию.

Он красив в своем несовершенстве, его явно не заботит, как он выглядит, легкая щетина, плотно сжатые губы. Взгляд скользит по мне, я чувствую его физически, замирает на губах, и мне инстинктивно хочется их прикрыть.

Муж безумно любил мои губы, любил любить мой рот. Как он говорил: «Из тебя, милая, вышла бы самая красивая и дорогая шлюха в городе, но ты только «моя шлюха».

– В моей биографии нет ничего интересного, все, как вы говорите, стандартно, – поправляю платье и открыто смотрю в глаза, я сама наивность и невинность.

– И все-таки? Что вас к нам привело?

– Деньги, их всегда не хватает, поступило хорошее предложение, я согласилась.

– Вы очень красивая женщина, Вера, разве не было других предложений и способов обогатиться?

– Вы предлагаете мне обогатиться определенным способом? – от наивности и невинности не осталось и следа. Ненавижу таких самодовольных кретинов, все-то у них продается и покупается, вешают ярлыки, ставят ценники не глядя. – Я не проститутка и никогда ею не была, если вы про этот метод обогащения.

– Почему сразу проститутка? Ваша заниженная самооценка при таких внешних данных меня пугает. Выйти замуж за состоятельного человека – я это имел в виду.

– Спасибо за совет, я обязательно им воспользуюсь, как только встречу состоятельного и, главное, порядочного человека.

Я так скалилась, что вот-вот должны были треснуть щеки, а Егор Ильич злился – челюсти плотно сжаты, и стакан в руке вот-вот треснет, надо убираться, иначе быть скандалу.

– С вашего позволения, я пойду. Что-то еще? Указания, пожелания?

– Нет, ничего. Идите, Вера.

– Ужин в семь.

– Спасибо.

Надо отдать должное, этот мужчина умеет держать себя в руках. Муж так бесился, когда я вот так, почти молча, послала его на хуй. В стену летели бокалы, бутылки, телефоны— все, что было под рукой. Иногда это все летело в меня.

Не понимаю, к чему все эти разговоры? Если что-то не так, мне бы сказали в лицо, указали бы на ворота и направление, куда следует идти. Хотя знать, что документы не мои— это дело одно, а вот знать, кто я и мое настоящее имя— это история интересней. Как же все надоело.

Ужин попросили подать в кабинет, гостей ожидали только на днях. Как всегда, от долгого хождения болели ноги и спина, время было уже позднее, я решила рискнуть и пойти в сауну.

Лежа на прогретых досках парной, вдыхая полными легкими этот горячий воздух, я реально кайфовала. Тело покрылось испариной, найдя на полке лавандовое масло, налила на ладони. Провела руками по бедрам вверх, задевая грудь, шею и снова вниз, как же хорошо, мыслей ноль.

Руки скользят по горячей коже, так медленного, глаза закрыты. Развожу бедра, прикасаюсь себе между ног, так плавно и не спеша.левой рукой сжимаю грудь. Перед глазами настойчивый взгляд Егора, хм... он стал уже Егором, мои прикосновения становятся настойчивей, проникаю между

складочек, задевая такой чувствительный клитор, лаская его круговыми движениями.

Его рука, сжимающая бокал, там, в кабинете, его руки по моему телу. Как же хорошо, выгибаю спину, с губ срывается стон, дыхание обрывается, слишком горячо, слишком жарко...слишком близко. Картинка резко меняется...другие глаза, другие руки и бокал, летящий и разбивающийся о стену около меня.

Твою мать...нет, отдергиваю руки и закрываю ими лицо. Пытаюсь восстановить дыхание, но слишком жарко, слишком часто и так гулко стучит сердце.

Руки трясутся, нахожу брошенное полотенце, кое-как прикрываюсь, голова слегка кружится, на слабых ногах выхожу из парной, хочется сесть, а больше всего— вдохнуть холодного воздуха. Просто чего-то холодного, чтобы остудить тело и унять сердце.

– Вера! Вам плохо?

Господи, он-то здесь откуда?

Глава 5

Егор

Какая острая на язычок попалась дамочка, так и хочется все ее слова размазать по пухлым губам. А это ее: «Что-то еще? Указания? Пожелания?». Язва.

Извожу себя на беговой дорожке, почти первый час ночи, прокручиваю в голове минувший день и все чаще цепляюсь за такие порочные губы новой экономки. Хороша, ничего не

скажешь. Такая холодная, отстраненная, не удивлюсь, если фригидная— с таким-то характером.

Спускаюсь в сауну, горит свет, сбрасываю футболку, иду в парную и замираю на месте. Сквозь прозрачную дверь виден полог парной, на нем женщина, точно женщина. Это Вера? Точно, Вера. Ее руки скользят по влажному телу, сжимают грудь, она размазывает по себе масло, кожа блестит в свете тусклых ламп.

Я, наверное, не видел за свою жизнь ничего более сексуального и возбуждающего, член болезненно дергается, желание подкатывает так быстро и неотвратимо. Вера разводит ноги, трогает тонкими пальцами влажные складочки, совершая плавные круговые движения. Ей хорошо, спина выгибается, а я сейчас начну выть.

Понимаю, что надо уйти, но я словно врос в кафель. Рука тянется к паху, я что, сейчас буду трогать себя? Мастурбировать на то, как кончает моя экономка? Вера издает стон, но быстро отдергивает руки и закрывает лицо.

Все, надо уходить, делаю несколько шагов в смежное помещение, стараюсь переварить то, что сейчас увидел и свою реакцию на это.

Были женщины, которые откровенно ласкали себя передо мной, иногда об этом просил их я. Но никогда это не было так откровенно подсмотрено, никогда не было таких эмоций на живое удовольствие, которое она получала. Было красиво, безумно красиво, ее кожа, покрытая маслом, закрытые глаза

и стоны.

Выхожу из своего укрытия, Вера открывает стеклянную дверь парной, шаг неровный, она еле прикрывает тело полотенцем и держится за шею, словно ей не хватает воздуха.

– Вера! Вам плохо? – быстро подхожу, поднимаю на руки, несу в комнату отдыха, чтобы положить на диван.

– Откуда вы здесь? – она не сопротивляется, но выглядит очень уставшей.

– Я живу здесь. Воды?

– Да, спасибо.

Опускаю девушку на диван, вкладываю в руку бутылку с холодной минералкой. Она жадно пьет воду, та стекает по подбородку, на почти не прикрытую грудь, ее дыхание восстанавливается, она поднимает глаза и смотрит на меня.

– Спасибо, и не надо на меня так смотреть. Я не была при смерти, наверное, всего лишь скачок давления, так бывает.

– Вообще-то, вы передо мной почти голая.

– Извините, – она кутается в полотенце, но оно небольшое, прикрывает грудь и середину бедра, у нее шикарные ноги. Губы и ноги.

– О вашем здоровье мы поговорим позже, – присаживаюсь рядом, всматриваюсь в ее глаза, там нет кокетства и игры, ей на самом деле неудобно. Убираю волосы ей за ухо, беру за подбородок и поворачиваю к себе.

– У тебя такие красивые губы, – голос слегка хрипит, хочется провести по ним большим пальцем, узнать, насколько

они мягкие и влажные, она сглатывает, я смотрю, словно замороженный, а стояк как был, так и остался.

– Не надо.

– Что не надо?

– То, что вы сейчас хотите сделать. Не надо.

Голос ровный, еле слышный, даже какой-то отстраненный, смотрю в глаза, а в них стоят слезы.

Долбанный извращенец, какая же ты скотина, Воронцов, запугал девочку, а она ведь совсем девочка, ей не дашь возраст по паспорту. Без косметики, смотрит со слезами на глазах, прикусывая губы.

– Простите, Вера, не хотел вас напугать, – беру свое полотенце, накидываю ей на плечи.

– Это вы извините за этот инцидент и мою реакцию, я пойду.

Она встает и, не оборачиваясь, уходит. Да, Воронцов, умеешь ты соблазнять женщин. Что-то с ней не так, то дерзкая и острая, то безумно сексуальная в своих ласках, то ранимая. Ее хочется жестко трахать и нежно целовать одновременно. Ты не глупый мужик, Воронцов, думай, а потом делай, но это правило совсем не работало сегодня. И оно совсем не работает рядом с Верой.

Сколько за свою жизнь я встречал женщин без фальши и притворства? Которым от тебя не было что-то нужно? Не припомню таких. Хотя сам считаю, что товарно-рыночные отношения прочнее чувств и какой-то там любви. Я даю на-

дежность, достаток, исполнение желаний, мне дают секс и верность, пожалуй, верность – самый важный пункт, не потерплю измен и обмана.

Сажу на том же диване в сауне, злюсь на самого себя. Чувствую, что-то не то с девочкой, строит из себя сучку, а сама словно беззащитный котенок. Беру телефон, нахожу контакт и жму «вызов».

– Морозов! Если не сплю я, то не спишь и ты. К вечеру наркой мне всю информацию на Стрельникову, – услышав Морозовское «хорошо», сбрасываю.

Глава 6

Вера

Стоило ему заговорить о моих губах, и все полетело в пропасть. А ведь он меня волновал, его близость, его прикосновения, это движение, как он заправляет мне волосы. Такой взгляд, без похоти и голода, лучше бы он молчал.

Он горячий, он очень горячий, но рядом с ним успокоилось сердце. В глазах, таких черных, забота и тревога. Не стоило думать о нем и фантазировать, но даже в моих фантазиях больше чистоты, чем в прошлой жизни. Это прошлое не дает расслабиться.

Нет, я вовсе не считаю себя жертвой насилия– психологического разве только. Мне слишком долго вбивали в голову, что я бесполезна и никчемна, что моя задача ублажать мужа, рожать детей и красиво стоять рядом с закрытым ртом. Я так устала сопротивляться и биться о бетонную стену непонима-

ния, что смирилась и просто молчала.

Почти два часа ночи, сна нет, за окном метель, ветер швыряет снег в стекло. Я ушла в такую же ночь почти два года назад, нет, я не выбирала специально число, просто знала: время пришло. С погодой повезло, из-за метели не принимал аэропорт, я услышала случайно разговор охраны, еще днем. Самолеты разворачивали в соседнюю область, значит, Толя приедет не скоро, не помчится по трассе в ночь, заночует где-то там – с парой шлюх, под дозой алкоголя или еще чего.

Я не собирала вещи, даже обручальное кольцо так и осталось лежать в ванной, на полке. Взяла только то, что влезло в женскую сумку, смену белья, наличные деньги и чужой паспорт. Было опасно брать много денег, но я понимала, что придется где-то жить, а за это надо платить.

Мой побег не был спонтанным решением, надо было сделать это еще раньше. Но тогда еще был жив дядя Геша, хоть я и пыталась донести до него всю утопию нашего с Анатолием брака. Но единственный мне близкий человек ничего не хотел слышать.

«Доченька, так будет лучше и хорошо для всех», – говорил он. Да, всем было лучше и хорошо, только не мне.

Охрана отвезла меня в торговый центр, там я была очень часто, изучая все камеры и выходы. Пройдя как можно незаметнее к одному из черных ходов, вывернула куртку на другую, более темную сторону, накинула капюшон, спрятав длинные темные волосы, я шагнула в темный переулок на-

встречу колючему снегу и своей новой жизни.

Охрана хватится не скоро, часа через три, они знают мои привычки. Пары часов хватит на то, чтобы перевернуть весь торговый центр, еще час на изучение записей с камер. Звонить своему хозяину сразу не станут, боятся, будут бегать до утра, рыскать по городу, как шакалы. А за это время мне нужно как можно дальше быть от них и от гнева их хозяина.

Стоя в туалете вокзала с купленным билетом на имя Стрельниковой Веры Васильевны, я обрезала свои длинные волосы. Мне не было их жалко, как не было жалко своей прошлой жизни. Обидно, да, но не жалко. Обида на саму себя за то, что была безвольной куклой и позволяла слишком многое. За то, что была бесхребетной овцой, понимая, что так жить нельзя, но все равно жила. По щекам катились слезы, волосы падали в раковину, мне было хорошо.

Больно, но хорошо.

Под стук колес, в снежную ночь, поезд уносил меня в соседний крупный город. Смысла прятаться по маленьким пригородам не было, в крупном легче затеряться, есть дешевые хостелы и работа, не требующая документов. Паспорт есть— и ладно.

Мне нравилось моё новое имя Вера, я теперь просто обязана верить в себя, в свои силы, верить в свое новое будущее, каким бы оно ни оказалось. Краем сознания я прекрасно понимала, что бегать долго не получится. У Толи слишком мало терпения и слишком много злости. Изнасилует всю охра-

ну, их-то мне не жалко, поставит раком полицию, а потом в ход пойдут излюбленные методы – бандитские связи.

Он может решить, что я не сбежала, а меня похитили, такое вполне возможно, если учесть, чьей законной женой я являюсь. Кто оказался таким дерзким и бессмертным, муж долго будет гадать.

Я ехала на север, Толя знал, как я не люблю холод, и, скорее всего, поиски пойдут южнее. Город, что меня встретил первым на моем пути в новую жизнь, был довольно милым. Сменив куртку на пуховик и осветлив волосы в первом попавшемся салоне красоты, снова двинула на вокзал. Ехать надо дальше, так прошли три моих пересадки, и я, уставшая от дороги, решила: все, хватит.

Я пробыла в этом городе три месяца, устроиться в кафе официанткой не составило большого труда. После рассказанной истории об украденных деньгах и почти всех документах меня взяли. Так начался мой первый трудовой опыт в двадцать пять лет.

Не скажу, что было трудно, раздражало излишнее внимание клиентов и управляющего. Кафе было среднего уровня, менеджеры ближайших офисов звали на свидание, студенты просили телефончик. Я загружала себя работой, чтобы потом валиться от усталости на кровать и просто спать без снов и страхов в съёмной гостинке.

Первый самый мерзкий момент был от управляющего, он-то придирался к работе, то грозил штрафами, то дарил цве-

ты и звал в кино. Мои тактичные и вежливые отказы заводили его еще больше, дело дошло до попытки изнасилования в его кабинете.

Пухлые ладони скользили по бедрам, задирая юбку, весь вспотевший, мокрыми губами целовал шею, прижимая меня к стене. Я как-то опешила первое мгновение, напал ступор от мерзости происходящего, а потом я начала дико отбиваться и кричать, истерика накатила внезапно, меня всю трясло. Управляющий отшвырнул меня к двери, больно ударилась плечом, кое-как выбралась, не понимая, что со мной.

Меня трясло, сердце надрывалось в грудной клетке, не хватало воздуха. Кое-как придя в себя на кухне, выпив два стакана воды с накапанным любезной посудомойкой пустырником, я ушла домой, понимая, что сюда я больше не вернусь.

Спустя два дня утренний рейс автобуса привез меня в другой город. Но таких моментов потом было много, меня напрягало излишнее внимание мужчин. Они были разные, кто-то предлагал секс и содержание, кто-то руку и сердце, меня это больше пугало, чем льстило. Я считала, что не имею право на нормальные отношения. Я и не знаю, какие они— нормальные.

Я не могла расслабиться и позволить себе просто жить, получать маленькие радости, которые имеют такое большое значение. Ходить на свидание с понравившимся парнем, завести подруг. Я была одна, всегда одна.

Глава 7

Вера

Глеб меня смешил. Мы стояли на том же крыльце, курили уже вдвоем, рядом работала снегоуборочная машина, снега навалило так, что пришлось выводить ее в бой. Она шумела, снег мелкими искрами летел на нас, оседал на черном пальто, мы опять как люди в черном.

Глеб мило щурился от солнца, смотрел на меня, рассказывал какие-то смешные случаи из жизни, а я реально за все это время искренне смеялась.

– Вы очень милый, Глеб. Я считала вас другим, более заносчивым.

– Я тоже считал вас другой, что вы не умеете улыбаться и вообще склочная дамочка. И давай на «ты», не люблю весь этот официоз.

– Хорошо, давай, – я легко соглашаюсь, потому что, по сути, с ним легко. Он сильный, надежный, я бы хотела, чтобы у меня был такой старший брат.

– У меня есть предложение, я приглашаю тебя на свидание.

– Свидание? – я была слегка удивлена, нет, не самим фактом предложения, меня звали, и не раз, но я никогда не принимала эти предложения. Я вообще никогда не была на свиданиях. В теории я знала, как это происходит, но дело в том, что я хотела бы пойти на свидание именно с Глебом, но как это будет, не представляла.

– Да, свидание, хотя мы в глуши, и этот особняк как центр цивилизации в тайге, но я что-нибудь придумаю. Соглашайся, Вера!

Глеб был в меру настойчивым и безумно обаятельным с этой мальчишеской улыбкой и искрящимися голубыми глазами.

Разговор прервал сигнал автомобиля у центральных ворот. Нам было видно только часть заезда, ехал белый «Мерседес», плавно объезжающий большую центральную клумбу. Из-за неубранного снега машина остановилась чуть дальше. Водитель заглушил мотор, обошел автомобиль и открыл заднюю дверь. Вышла девушка – бежевые сапоги на огромной шпильке, кожаная короткая юбка, розовая шубка и облако белокурых кудрей.

– Почему не розовый? – мой вопрос просто был в никуда.

– Розовый? – переспросил Глеб.

– Да, почему автомобиль не розовый? – указала в сторону гостыи и ее авто.

– Да, шутка хорошая, я передам шефу, – Глеб искренне рассмеялся.

– Не стоит, сомневаюсь, что он поймет юмор. У нас гости? – я вопросительно посмотрела на Глеба.

– Надеюсь, она ненадолго, это Снежана, девушка Егора Ильича, – с легким пренебрежением ответил Глеб.

Тем временем девушка Егора Ильича чинно прошагала в дом и скрылась за дверью. Да, дела интересные, не думала,

что у Егора Ильича такой своеобразный вкус, хотя кто я такая, чтобы судить о вкусах?

У Глеба затрещала рация, охрана не могла решить какие-то вопросы без предводителя, он извинился и ушел. О свидании забылось, странно, но испортилось такое хорошее настроение. Я пробыла на крыльце еще минут пятнадцать, было не так уж и холодно, солнце скользило по верхушкам заснеженных кедров, искрилось.

Зайдя в дом, сразу натыкаюсь на чью-то твердую грудь, на рефлекс опираюсь руками, под тонкой рубашкой горячая кожа, пальцы покалывает от этого тепла. В нос ударяет запах, что-то цветочно-восточное, а еще коньяк и ваниль. Поднимаю голову и вижу черные глаза Егора, он в очках, ему безумно идет, придает солидности.

– Извините, – делаю шаг назад и в сторону.

– Где вас носит, Вера Васильевна? – он чем-то рассержен и взвинчен.

– Я была на улице.

– Да, вы были с Морозовым и мило улыбались, я видел. Так вот, вы здесь на работе, а личную жизнь устраивайте в свободное от работы время.

– Егор Ильич, я откровенно не понимаю ваших претензий. Моя личная жизнь никак не касается ни вас, ни работы. А если у вас есть претензии именно по работе, я рада их выслушать, если они конструктивны и по существу.

Мы смотрели друг на друга так, что только искры не лете-

ли. Его странные претензии, моё непонимание этих претензий. К нему вообще приехала девушка, она сейчас должна активно снимать стресс, а он злой и мечет в меня молнии.

– Что вы хотели? – я первая начала диалог, он смягчил взгляд, но в сторону не отошел.

– Я хотел спросить, как вы себя чувствуете? Но судя по тому, как вы улыбались Морозову и смеялись над его шутками, у вас все хорошо.

– Да, все хорошо, спасибо за заботу. У вас, я видела, гости, ужин накрывать на двоих? – тактично перевожу тему.

– Я сообщу позже, – резко разворачивается и уходит, унося с собой аромат и грозу, что сверкала над нами.

Остаток дня прошел без эмоциональных скачков, ужин все-таки подали на двоих. Я старалась не думать ни о Егоре, ни о его госте, ни о том, чем они могли сейчас заниматься. В душе был некий раздрай, хотелось чем-то себя занять и отвлечь. В дверь комнаты постучали.

– Вера, я обещал тебе свидание, ты готова? – Глеб стоял на пороге моей комнаты и держал в руке белую розу.

Это было очень трогательно, прижав руки к груди, я смотрела на этот цветок, как на что-то нереальное. Чувствую, что краска приливает к лицу, краснею от смущения, как девочка.

– Ты так смотришь, словно тебе ни разу не дарили цветов, – Глеб подходит ближе, заглядывает в лицо, хмурит брови. – Вера, я подарю тебе еще много цветов, обещаю.

– Тамара Степановна называет тебя Глебушка, можно я

тоже так буду тебя называть? – лукаво улыбаюсь и принимаю розу.

– Я подумаю. Ну что, идем на свидание?

– Идем.

Глава 8

Егор

Снежана возникла, как всегда, неожиданно, ее никто не звал, но она приехала. Несколько звонков и моё категоричное «нет» её не остановили.

– Егор, я так скучаю, так скучаю, но ты совсем обо мне забыл. Зачем ты приехал в эту глушь, я ехала почти час по трассе, все дороги занесены метровыми сугробами. Почему нельзя поехать отдохнуть не в лес, а на море, туда, где жарко, где будем только ты и я?

– Здесь тоже, Снежана, только ты и я. Что тебя не устраивает, если ты, как говоришь, скучала? И вообще, я тебя не звал, ты сама приехала.

– Какой ты грубый, Егор, – девушка надула губки и отвернулась к окну.

Снежана реально раздражала, её манера говорить, как капризная девочка, её образ, эти слишком выбеленные волосы, откровенный и вызывающий вид. Такое чувство, что я был слеп, а сейчас резко прозрел и увидел всю эту нелепицу, из которой состояла буквально вся Снежана.

А ведь она меня возбуждала, её готовность везде и как угодно принять мой член в себя. Она никогда не говорила

«нет», а мне не нужно было её согласие. Словно кукла. Да и сама похожа на куклу, дорогая, но уже надоевшая кукла.

Не понимаю, что вообще так долго делает эта девушка в моей жизни. Устал. От ее истерик, претензий, неожиданных появлений, безумных ночных тусовок. Масло в огонь моего настроения подлил перекур Морозова и Веры, я прекрасно видел из окна кабинета их милую беседу, то, как Вера открыто смеялась.

Я хотел, чтобы она так улыбалась со мной, улыбалась именно мне, видеть свет в ее глазах, а не слезы паники, как вчера. Я злился на Морозова и Веру, на Снежану, которая начала бесить и раздражать, самое главное, злился на самого себя.

Вера меня волновала, я не знал о ней практически ничего, но она притягивала. Морозов ничего не нарыл, родилась, жила, училась, все в далеком от нас городе. Что привело её к нам – неизвестно, было даже фото, правда, отвратительного качества, сканированное с какого-то документа, зачетка или студенческий билет. Молодая девушка с длинными волосами и челкой, на снимке с трудом можно узнать Веру.

Никогда не задумывался о том, что пора заводить семью и детей, как это делают мои знакомые. Не считаю, что семью нужно заводить, как собаку или кота, создавать – да, что-то свое, родное, чистое и светлое. Строить по кирпичикам основу и фундамент своей жизни, крепкий фундамент.

Но я всё равно не думал об этом. Считал себя одиночкой,

но не гордился этим и не говорил на каждом углу. Не понимал тех мужиков, которые теряли голову и совершали глупости от внезапно накрывшей любви. Любил ли я когда-то?

Потеряв всю семью в восемнадцать лет, сам строил свою жизнь, капитал, бизнес. Много чего было, первые взлеты, жёсткие падения, изматывал себя, изводил, поднимался и шёл дальше. Дикий график, в нем не было места семье. Родители погибли в автомобильной катастрофе, ехали на машине в Крым.

Фура вылетела на встречную полосу, водитель заснул за рулем. Мама так долго ждала своего отпуска, накупила новых платьев. Я не поехал, сдавал экзамены в институте, не сдал, не пошел сдавать и после этой страшной новости. Моя семья, то, что я действительно любил, умерла тогда, под раскоряченной грудой железа, а другую я не хотел.

А сейчас что-то необратимо меняется. Точка отсчета этого изменения во мне – Вера. Её подставленное ноябрьскому солнцу лицо, тень от ресниц на бледной коже и эти полные соблазна чувственные губы. Хочу, чтобы она улыбалась только мне, стонала, как тогда в сауне, но только подо мной.

Не дослушав нытье Снежаны, срываюсь вниз, в крыло прислуги, хочу выйти на улицу, но Вера заходит навстречу, сталкиваясь со мной. У нее очень холодные руки, чувствую этот холод через ткань, а я словно горю от её прикосновения. Она пахнет морозом и немного сигаретным дымом, поднимает на меня глаза, а меня несет, я говорю совсем не то, что

хотел сказать. В итоге дергаюсь и ухожу. Какой кретин.

Я приехал за город отдохнуть, но загружаю себя работой допоздна. Снежана уже спит, после нескольких попыток заняться сексом и соблазнить своим телом она утомилась и заснула. А я не хочу, ничего не хочу, ни её тела, ни умелых рук и губ. Стало резко не хватать других, иных эмоций, давать свою заботу не в обмен на что-то, а просто так, потому что мне хочется.

Пошел искать Морозова, надо срочно поговорить. В другом крыле особняка был полумрак, из кухни лился ровный свет, но тоже приглушённый. Стоя на пороге, я решил, что у меня галлюцинации, снова Вера и снова Морозов. Никогда не видел начальника своей службы безопасности в компании девушки, считал его отъявленным холостяком, а тут девушка, и эта девушка Вера— моя Вера. Странно, что она так быстро, буквально за доли секунды, стала моей.

Они о чем-то тихо разговаривали, сидя на другом краю большого обеденного стола, что ближе к окну. Перед ними открытая бутылка вина, два бокала, фрукты и белая роза, как яркое пятно на темной поверхности стола.

А вот это уже интересно. Морозов оказался умнее меня: вместо того, чтобы страшать и рычать на девочку, как это делал я, он включил романтика, молодец. А ты, Воронцов, стой, смотри и грызи себя изнутри, учись, как нужно ухаживать за женщинами, или пойди и примени Снежану по назначению. Нет, не хочу, да и мешать людям не буду.

Глава 9

Вера

Утро выдалось спокойным, все шло своим чередом. Чашка кофе грела ладони, на улице опять шел снег, но он был таким сказочным, большими хлопьями падал на голубые ели. Мне бы радоваться, но на душе тоска и тревога.

Вчерашние посиделки с вином в полумраке кухни, называемые свиданием, прошли довольно мило. Глеб больше спрашивал меня о моей жизни, где училась, чем увлекалась. Все чаще ловила себя на мысли, что это деликатный допрос.

– Ты позвал меня на свидание, чтобы узнать, как и где я жила? – как-то не очень мне нравился ход нашей беседы.

– Нет, что ты, Вера, нет, конечно, хотя это нормальное желание – узнать о вкусах и увлечениях понравившейся девушки.

– Хорошее желание, но слишком настойчивые вопросы.

Мы выпили по бокалу вина, Глеб проводил меня до комнаты, сделал попытку поцеловать, что странно, у меня это не вызвало паники или тревоги. Мужчина был милым, но не более, меня не волновало его присутствие рядом, не волновал его запах. Он так по-мальчишески смутился, извинился и ушел.

Какое все-таки странное впечатление производят люди при первой встрече. Я посчитала Глеба грубым, беспринципным, резким, а на самом деле он приятный, даже заботливый мужчина. Хотя я могу ошибаться, очень сильно ошибаться.

– Доброе утро, Вера, – Егор стоял у входа на кухню, сегодня без костюма, на нем темный джемпер и джинсы. – Как прошла ваша ночь?

– Доброе утро, Егор Ильич, спасибо, хорошо. Надеюсь, и ваша прошла прекрасно.

Мне совершенно не хотелось отвечать колкостями на его странные намеки о проведенной мной ночи.

– Как ваше здоровье?

– Не надо так активно интересоваться моим здоровьем, будто оно вас и правда заботит. Почему вам хочется постоянно меня задеть и унижить? То предлагаете быть проституткой, то интересуетесь, как я провела ночь. Что это, личная неприязнь? Или вам просто не с кем поговорить?

Слушая мою гневную речь, Егор подходил все ближе, неспешно, пока не остановился так близко, что я могла уловить аромат его парфюма, опять эти нотки коньяка и ванили.

– А ты такая язва всегда или только со мной? Скорее всего, только со мной, с другими ты милая и приветливая, – заглядывает в глаза, а я так неотрывно смотрю на него.

– Я совершенно не язва, – скользнула взглядом по его лицу, он снова небрит, волосы слегка в беспорядке, глаза уставшие, будто не спал всю ночь.

– У тебя очень богатая фантазия, я не хочу и не пытаюсь тебя задеть, ты все воспринимаешь слишком буквально.

– Тогда что вы пытаетесь?.. – он слишком близко, от него столько жара, берет из моих рук чашку, ставит на стол.

– Я пытаюсь тебя поцеловать, а ты показываешь свой остренький язычок.

Рука обхватывает мою шею, пальцы зарываются в волосы, он неотрывно смотрит на мои губы, я– на его, и тут меня накрывает волна, он, словно цунами, сносит все мои панические атаки, он целует, целует жадно, жарко, пробуя на вкус губы, слегка покусывая.

Врывается языком в рот, и меня уносит так далеко, даже не надо отвечать на поцелуй, он пьет моё дыхание неотрывно и жадно. Из горла вырывается стон, мне нечем дышать, хочется глотнуть воздуха, но я так боюсь, что он остановится, и это безумие прекратится. Оказывается, поцелуй может быть таким властным, подчиняющим, но до безумия желанным.

Хочется ещё и ещё, мои руки на его груди, пальцы сжимают джемпер, притягивая к себе. Сама кусаю в ответ его губы, я словно падаю с обрыва в эти новые ощущения, мне страшно, по телу мурашки, но мне так безумно хорошо.

Егор отстраняется и с каким-то надрывом шепчет мне в висок: «Все, моя хорошая, тихо, надо остановиться, иначе я возьму тебя прямо здесь».

Мы оба тяжело дышим, я отворачиваюсь к окну, пытаюсь прийти в себя, снаружи идёт снег, а у меня перед глазами сплошная белая пелена. Мозг хаотично соображает, что в доме девушка Егора, что он спал с ней эту ночь, а сейчас целует меня. Это что, такая прихоть? Я не знаю, как реагировать в таких ситуациях, потому что у меня не было таких ситуаций

никогда.

Все путается – чувства, эмоции, мысли. Я целовалась с чужим мужчиной, этот мужчина мой работодатель. Служебный роман и адюльтер. Прекрасно!

На кухню вваливается Морозов, весь в снегу, жмет руку в приветствии Егору, тут же улыбается мне, я киваю в ответ.

– Что здесь происходит? Вера? – Глеб обращается ко мне, осматривая с ног до головы, словно пытаясь что-то уловить. – Егор, там Снежана везде тебя ищет, – показывает в сторону двери.

– Спасибо, – кивок готовы, Егор уходит, даже не посмотрев на меня.

– Да и мне пора, – надо быстрее покинуть это помещение, оказаться подальше от Глеба и его вопросов, которые он точно начнет задавать.

Глава 10

Вера

Ну и дела! На горизонте так отчетливо маячит перспектива стать любовницей хозяина этого особняка. Эта перспектива семимильными шагами приближается ко мне, чтобы взять за руку и увести прямо к нему в постель.

Там место уже нагрето, Снежана постаралась, так и вижу ее белокурые кудри, разбросанные по темному шёлку белья, и приглашение составить компанию. Фу, как-то мерзко.

Господи, да что со мной? То впадаю в хандру и истерики, то краснею, как восьмиклассница при первом поцелуе.

За столько времени выживания одной я должна была нарастить защитный панцирь, перестать эмоционировать и давать волю чувствам. Чувства заведут далеко, а дорога назад станет слишком болезненной.

Моя самоирония и вера в то, что хуже уже не будет, всегда спасала. А здесь я не знаю, как быть, что будет дальше, и самое главное, что мне делать. Не покидает ощущение тревоги и приближения чего-то необратимого.

День прошел спокойно, не считая того, что очень надрывно лаяли собаки. Они были не так близко, но их лай был слышен везде. В доме появилось больше охраны, они практически не обращали на меня внимания, кто-то ужинал, люди приходили и уходили. Очень рано стемнело, небо было без туч, с яркими звездами. Я снова на крыльце, кутаюсь в пальто, воздух морозный, в свете фонарей блестит снег.

Из-за темного угла дома вышли две мужских фигуры, одна чуть крупнее в пальто нараспашку, шаг твердый и широкий, другой чуть меньше, в куртке и военных берцах, под их шагами хрустит снег. Я смотрю на их приближение и начинаю волноваться. В свете фонарей я узнала Егора и Глеба, но спокойней не стало.

– Вера, ты почему здесь? – Егор подходит ближе, берет за локоть и тянет в дом. – Ты вся холодная, завтра закрою эту дверь на замок, чтобы ты не выходила на мороз.

Я смотрю то она одного, то на другого мужчину, Глеб провожает нас взглядом, странно смотрит в спину своего шефа

и уходит в сторону ворот.

– Пойдем, Вера, ты ледяная вся.

– Прекрати меня куда-то тянуть. Что случилось?

– Ничего, что могло бы тебя волновать, пойдем со мной.

– Куда?

– Просто пойдем, я хочу, чтобы ты была рядом, – голос усталый и взволнованный, его горячая ладонь сжимает мою холодную руку.

Егор тянет меня по коридорам, мимо просторного холла в свой кабинет. Здесь полумрак, горит только торшер в углу. Снимает пальто и помогает снять мне, в баре наливает два бокала чего-то темного – явно спиртного, и один из них протягивает мне.

– Пей, иначе точно простынешь.

– Я не пью такое крепкое, – пытаюсь отодвинуть бокал.

– Пей, иначе пойдешь со мной в горячий душ, – пристально смотрит на меня и все-таки впихивает бокал в мои руки.

– Спасибо, – делаю небольшой глоток, за ним побольше, жидкость обжигает горло, но мне приятно, в груди разливается тепло.

– Вера, то, что случилось утром на кухне...

– Не надо, – я перебиваю Егора. – Это случилось, и такого больше не должно повториться.

– Ты опять не даёшь мне договорить.

Он снова очень близко, делаю последние два больших глотка из бокала, не знаю, куда его деть, Егор, не глядя, бе-

рет и кидает его на пол. Но он не разбивается, а только глухо ударяется о ковер.

Все происходит очень быстро и стремительно, его губы на моих губах, его язык сплетается с моим. Его хриплый стон в ответ на мой. Так настойчиво двумя руками держит мое лицо, притягивает к себе и целует, целует. В нем столько голода и страсти, толкает меня к окну, на подоконник.

Руки спускаются по плечам, на спину, Егор гладит её, сминная ткань, опускается на талию, бедра, до колен, пытается развести ноги. Головой я понимаю, что надо сказать «нет», надо оттолкнуть, но я не могу, да и не хочу. Впервые после мужа нет паники, нет страха, нет истерики. Этому мужчине словно место между моих ног, только его губам место на моих.

Целует висок, мочку уха, спускается на шею, такие томительные, такие сладкие поцелуи, обнимаю за плечи, поднимаю его лицо, сама нахожу губы и целую с таким же голодом.

Егор развязывает тесемки на платье, распахивает его в разные стороны, нехотя отрывается от губ и смотрит на мое тело в скромном белье телесного цвета. На каких-то старых рефлексах пытаюсь прикрыть живот, он некрасивый, там шрам, а под рёбрами еще один, но он словно ничего этого не видит, очень быстро скользит по груди.

– Ты же понимаешь, что я не остановлюсь, ведь так, Вера, – это даже не вопрос, а утверждение.

Я только сглатываю и прикусываю губу.

– А вот так не надо делать, – в глазах вспыхивают огни, он снова набрасывается на мои, уже припухшие от его поцелуев, губы.

Где-то внизу раздастся треск моего порванного белья, его горячие пальцы скользят по уже возбужденной плоти, развожу ноги шире, он снова хрипит мне в губы, что-то говорит. Я ничего не понимаю, его пальцы творят какую-то долбаную магию с моим телом.

Я пьяная, я точно пьяная– от его поцелуев, от его аромата, я пропитана вкусом алкоголя с его губ, живот стягивает тугим узлом, там, внизу, так горячо. Поцелуи по шее, звук пряжки ремня, его пальцы во мне, а мне мало воздуха, слишком мало.

– Черт, какая же ты мокрая и узкая, не могу больше, маленькая, не могу.

Его пальцы выходят, распахиваю глаза, смотрю на Егора, он словно не видит ничего, размазывает членом по мне мою же влагу, задевая такой чувствительный клитор, толкается вперед, я смыкаю ноги у него за спиной.

Его руки на моих бедрах, тянет на себя, резкий толчок, и он во мне.

Наш общий протяжный стон, ещё движение, ещё, боже, я не думала, что так бывает, движения медленные, но глубокие. Толчок...ещё, внутри закручивается спираль, тело начинает дрожать, ещё толчок, ноги слабеют, тело вибрирует всё больше.

Меня накрывает волна за волной, мышцы внутри сокращаются, я хочу быть еще ближе, прижимаюсь, надрывно дышу со стонами Егору в плечо, хватаюсь руками за джемпер, чтобы только не упасть. А меня словно накрывает лавиной, в ушах шум, я не слышу даже себя и своих сдавленных стонов.

– Вера, твою ж мать, – Егор ругается матом, резко вынимает член из моего все еще сокращающегося от оргазма лона, делает несколько движений рукой, кончая мне на живот.

Дышит тяжело, уткнувшись лбом мне в висок, я зарываюсь пальцами в его волосы, медленно поглаживаю затылок, закрыв глаза.

Глава 11

Егор

Вера ушла быстро, вот только была такой нежной, гладила тонкими пальцами по голове, перебирала волосы. Потом как-то собралась, запахнула платье, словно стыдясь меня, подхватила пальто с кресла и ушла. Я пытался остановить и помешать, держал за руку, но это вызвало только сопротивление. Она ушла.

Стою под душем, член болезненно ноет, словно и не было ничего. Это даже и не секс, какая-то вспышка, всплеск гормонов. Остро, ярко и чертовски мало. Вера безумно сексуальная, вспоминаю её рваное дыхание, как она дрожала всем телом и сокращалась внутри, сжимая мой член. Такая узкая, влажная, ловил её стоны, целуя эти порочные губы, не мог насытиться, так было мало.

Её мало.

После утреннего поцелуя на кухне решил поставить точку в отношениях со Снежаной. Не потому, что увлекся другой, я не мог понять свои ощущения рядом с Верой, да и не пытался в них разобраться. Вера другая, она совершенно другая, я не общался близко с такими женщинами, не ухаживал за ними. Вообще, в моих взаимоотношениях с противоположным полом было все предельно просто, женщины менялись не часто, но обозначались рамки и границы.

Последнее время Снежана подходила на роль эскорта и секса идеально. Она справлялась, но временами переигрывала, была капризной, требовала больше внимания, хотя прекрасно понимала, на чём построены наши отношения.

Поначалу она не поняла, о чем я говорю, впала в какой-то ступор, долго разглядывала свои руки, а потом так тихо прошептала: «Я же люблю тебя, Егор, я не смогу без тебя!»

По щекам текли слезы, губы дрожали, нервничая, она перебирала кольца на пальцах.

– Ты что, меня бросаешь?

– Снежана, пойми, тебя никто не бросает, потому что как таковых нас и не было, был секс и некоторые события, которые требовали присутствия рядом со мной женщины на мероприятиях. Нет и не было никакой любви.

– Я понимаю, ты хочешь других отношений, да? Тогда давай жить вместе, давай поженимся, я рожу тебе ребенка, Егор, ты ведь хочешь ребёнка? Все мужчины в твоём воз-

расте хотят продолжения рода, я знаю.

– Снежана, о чем ты? Какая из тебя мать? Да и жена? Ты сама себя слышишь? Нас больше ничего не связывает, всё, что я тебе подарил – это твоё, между нами всё.

– У тебя кто-то есть? – слезы мгновенно высохли, Снежана прищуривала глаза и пристально смотрела на меня. – Я её знаю? Точно, у тебя кто-то есть! Отвечай!

– Так, успокойся, или мне придется тебя успокоить, – я уже повышал голос. – Даже если бы кто-то был, тебя это не касается никак. Я вызову Глеба, он скажет парням, чтобы отвезли тебя в город.

– Егор, ну пожалуйста, что мне сделать, чтобы ты меня не бросал? – девушка медленно подходит ко мне, применяя все эти уловки роковой соблазнительницы, облизывает губы, гладит мою ширинку.

– Снежана, прекрати, ты выглядишь жалко, – отталкиваю её руки. – Ты молодая, красивая девушка, не лишенная определённых талантов, и встретишь ещё своего принца, это не моя роль.

Ну, не мастер я утешать девушек, да, вышло не совсем деликатно, но по-другому я не умею. Снежана уехала, поистерев и поплакав ещё час, припомнив все, по её мнению, мои косяки, на прощание сказала, что я еще об этом пожалею, но всё-таки уехала.

Позже охрана сообщила, что в тайге неподалеку от особняка были гости. Пришлось отправлять туда Глеба, прики-

дывать, кто же это мог быть, местные охотники, браконьеры или кто-то ещё, вот о «ком-то ещё» совсем не хотелось думать.

А потом была Вера, её такая холодная ладонь в моей, вел её в свой кабинет, хотел, чтобы она просто посидела рядом. Её такие тёплые и мягкие губы с привкусом коньяка, и я мгновенно опьянел, её телом, её запахом – шоколад и корица, её жаром и таким чистым, откровенным оргазмом на моем члене.

Включаю душ на контраст, стою под холодными струями, но внутри пожар и дикое желание этой женщины. Мог ли я в свои почти сорок так подсесть с первого раза на девушку, которую знаю всего несколько дней? Не могу понять. Даже пока не пытаюсь. Зря её отпустил, ушла, словно жалея о том, что произошло. Вера как закрытая книга, и у меня слишком много к ней вопросов.

Снова сидел до поздней ночи и прикидывал варианты, кто эти неожиданные гости, перепроверял документы по покупке одной крупной фирмы и дальнейшему её распилу. Могут ли быть связаны эти два события? Но все мысли возвращались к Вере. Хотел знать, что она любит на завтрак, как спит, где любит отдыхать, какая была в детстве. Все эти мелочи и глупости, которым раньше не придавал никакого значения, тем более уж в отношениях с женщинами.

Что её беспокоит и почему она чаще грустит, хочу знать, о чём она думает, а ещё хочу видеть её глаза, когда она будет

кончать, и слышать, как громко будет кричать в это мгновение. Хочу пить её оргазм с её мокрой девочки, такой открытой до предела передо мной...

И как только я начал засыпать в своих откровенно порнографических мечтах, на весь дом включилась пожарная сигнализация. Первое мгновение я ничего не понял, откуда шум и почему, как был, в одних домашних штанах, вышел в коридор, сигнализация надрывалась, свет везде погас, видимо, сработала система защиты, но дымом не пахло.

Возвращаюсь в комнату, хватаю телефон, быстро набираю Морозову.

– Глеб, что за представление? – спрашиваю, как только тот отвечает.

– В нашем крыле очень много дыма, – Глеб кашляет, говорит глухо, – практически ничего не видно.

Звонок сбрасывается, а я срываюсь как есть в другой конец дома. Бегу по тёмным коридорам, подсвечивая экраном телефона, на первом этаже чувствуется едкий дым, прикрываю лицо ладонью, пытаюсь задержать дыхание.

Сигнализация здесь слышна ещё громче, от нее закладывает уши. По кухне скользят лучи фонариков в чьих-то руках, не обращаю внимания. Через темный холл на второй этаж бегу к комнате Веры, сердце замирает. Дверь закрыта, плечом вышибаю её, Вера сидит на полу, схватившись за горло, сонная, в одной майке и шортиках. Смотрит на свет мобильного в моей руке, заваливается на бок и падает, теряя

сознание.

Глава 12

Вера

Как ни странно, после того, что произошло между нами с Егором, после нашего секса, кстати, первого почти за два года, я заснула очень быстро. Стоило выйти из душа, где смыла с живота и бедер его сперму, упасть на подушку, как меня накрыл сон.

Но спокойный сон длился недолго, в сознании так резко вспыхивало прошлое, отдельные яркие картинки, полные животной страсти и моего страха.

Толя берёт меня грубо, в его любимой манере, так, как его возбуждает больше всего. Я не сопротивляюсь, только подстраиваюсь под его ритм, иногда он замирает, словно смакуя происходящее, его руки становятся обманчиво-нежными, а губы мягкими.

В такие моменты я терялась, но потом снова были грубые толчки, его нарочно нежные поглаживания клитора. От этого я даже иногда испытывала какое-то болезненное и неправильное, по моим понятиям, удовольствие.

Толя так ехидно улыбается и шепчет: «Тебе ведь хорошо, моя птичка, я вижу, как тебе хорошо...не обманывай, что тебе не нравится то, как я тебя трахаю, и только я буду тебя трахать...всегда».

Он безумно любил брать меня стоя, сзади, напротив зеркала или окна, запрокинув голову и жадно целуя, ловя от-

ражение наших тел. Я словно безвольная кукла в его руках, он подчинял меня себе, приучал к своим безумным играм. Вдалбливал в меня не только свой член, но и свои привычки, то, как ему нравится больше всего меня иметь.

Я выучила за столько времени, в какой позе лучше всего стоять, под каким углом держать спину, чтобы проникновение было достаточно глубокое для него. Я всегда была не особо эмоциональна в сексе, и Толя так бесился, когда я не произносила ни звука, поэтому я научилась стонать, кричать, лишь бы он быстрее кончил.

Иногда он забывал обо мне на несколько недель, срывался, куда-то уезжал, мне было всё равно. Но потом возвращался, говорил, что скучал, набрасывался на мои губы, и все повторялось по кругу, его безумие и мои жалкие попытки сопротивления.

Можно ли назвать наш секс насилием? Кто-то скажет— да, а я не знаю. Я чувствовала, как он сдерживался, как его животная энергия рвалась наружу, готовая меня растерзать, но он держался. Он брал меня, словно наказывая, он бралто, что по праву принадлежит только ему. Он брал меня, свою жену. Разве тут поспоришь?

Мой страшный сон... его руки снова на моей шее, то сдавливают, то отпускают, мне практически нечем дышать, он душит ещё сильнее, с удовольствием и кайфом наркомана всматриваясь в мои глаза, я цепляюсь за его руки, но они так сильно меня держат.

Просыпаюсь от дикого кашля, хватаюсь за горло, дышать действительно нечем. Очень темно, сползаю с кровати, голова кружится, угарный газ проникает в легкие, в глазах слезы, они стекают ручьями по щекам. С треском распаивается дверь, яркий свет направлен на меня, и я теряю сознание.

Мне так холодно, тело дрожит, вокруг много шума, не могу открыть глаза. Кто-то кричит рядом, меня хлопают по щекам.

– Вера... Вера, очнись! – голос мужской, требовательный.

А я не хочу, ничего не хочу, не хочу снова в этот ад, телу так холодно, как тогда, в тот жаркий день. Вокруг тоже была беготня и паника, тоже выла сирена, как и сейчас, пытаюсь закрыть уши, чтобы больше не слышать её звук. Но мои руки отдергивают, прижимают к чему-то горячему, снова настойчиво зовут.

– Вера, открой глаза! Посмотри на меня! Вера!

Я снова сопротивляюсь, очень холодно, прижимаю руки к своему животу, как тогда, снова вижу, как сквозь мои пальцы сочится кровь, что-то горячее разливается между ног, и мне ужасно холодно.

– Вера, маленькая, посмотри на меня, Вера!

С трудом открываю глаза, передо мной Егор, на его лице испуг и злость. Он шарит взглядом по моему лицу, ощупывая его руками, заправляет волосы, вытирает слёзы. Притягивает к себе, так быстро и отчаянно целует куда придется – губы, щёки, глаза, гладит по голове, прижимает крепко

к груди.

– Все хорошо, хорошо, очнулась. Я уже не знал, что делать, Вера, я чуть не сдох, пока ты была в отключке. Хорошо, что я успел, это хорошо.

Обнимаю его за шею, всхлипываю, я так благодарна, что нет никакого кошмара, что всё в прошлом, что Егор рядом. Его жаркое дыхание в висок и поглаживания успокаивают.

– Егор, почему так холодно?

– Мы на улице, и тут холодно.

Только сейчас смотрю по сторонам, горят фонари, кругом бегают охрана, из дома воеет сигнализация, мы почти полуголые, Глеб сидит прямо на каменной дорожке в одних домашних штанах, я у него на руках, в шортах и майке.

– Что случилось?

– Не знаю, будем разбираться. Пойдем, надо в тепло, как ты, нормально всё?

– Да, вроде да, – Егор пытается встать со мной на руках.

– Не надо, отпусти меня, я сама могу идти.

– Сиди спокойно, сегодня я твой герой и сам донесу спасенную мной красавицу, буду ждать награды за спасения.

Все это произносится серьезным тоном, мои сопротивления бесполезны, он так и идет босиком по снегу, куда-то по дорожке, в сторону домика охраны. Парни расступаются, пропуская нас вперед, открывают двери. Он так и продолжает идти со мной на руках.

– Всем вон из дома, – кричит охране, – пока не узнаете,

что произошло, не приходите сюда.

Поднимается на второй этаж, ногой толкает дверь одной из комнат, здесь никого нет, идет дальше, это просторная душевая, ставит меня прямо в поддон и включает воду, она горячим потоком льёт на мою голову. Недолго думая, становится рядом, закрывая душевую кабину, ещё горячее настраивает воду. Он очень серьезный и сосредоточенный, не решаюсь ничего спросить, просто стою и смотрю на него.

Тянет меня к себе, крепко обнимает, горячие струи льются на нас сверху, обжигая кожу после холода улицы. Тело покалывает, вода стекает по нам и нашей одежде, я сама крепче обнимаю в ответ. Почему так хорошо? Почему я хочу, чтобы он спас меня от всего, как спас сейчас? Я так хочу, чтобы мне всегда было так спокойно и тепло, как в его руках.

Я снова плачу, но слезы смывает вода. Егор словно чувствует их, прижимает еще крепче. Его тело словно из камня, провожу руками по спине, по напряженным мышцам. Кожа гладкая, очень горячая. Он всегда такой горячий, что можно обжечься, скорее всего, со мной так и будет.

Запрокидываю голову, провожу пальцами по лицу Егора, его глаза закрыты. Медленно веду по лбу, темным бровям, ровному носу, останавливаюсь на губах, осторожно трогаю, пальцы начинают слегка покалывать. Встаю на цыпочки, медленно тянусь своими губами к его, прикасаюсь так нежно, кончиком языка слегка скольжу по ним. Егор стонет, открывает глаза.

– Ну, все, маленькая, теперь держись, моя очередь.

И меня вновь накрывает волна его голода, терзает губы, руки сжимают попку в мокрых шортах. Так сильно притягивает к себе, трется пахом и возбуждённым членом о мой живот, по нам стекают струи воды, она проникает везде, в глаза, в рот, мы словно этого не замечаем.

Так болезненно ноет грудь, Егор срывает с меня майку, толкает к стене душевой, он словно дикий ураган, его губы и руки везде, шея, чувствительные соски, он сосет один, а другой сжимает пальцами. Снова возвращается к моим губам, стягивая шорты вниз. Я так часто дышу, мой стон как отклик на каждое его прикосновение, вот его руки уже между моих ног, пальцы скользят по складочкам, проникая внутрь, ноги не держат, громкий стон.

Мои руки скользят по его телу, он очень большой, с рельефными мышцами, сама тяну вниз его штаны, высвобождаю член, он очень возбуждён, беру двумя руками, скольжу вверх, обвожу головку пальцами, затем вниз, глажу, сжимаю.

– Да, Вера, да... вот так...еще...сука...Вера...

Меня так заводят его откровения, я ласкаю его, он ласкает меня, проникая пальцами глубже, растягивая. Стоять трудно, внутри все горит и скручивает узлом.

– Не могу больше...Егор...– мой стон почти мольба.

Меня разворачивают спиной, наклоняют, руки упираются в мокрый кафель, над нами клубы пара, но я ничего не замечаю. Его член скользит по моим складочкам, заполняет меня

одним толчком. Кафель мокрый, мне не за что зацепиться, с каждым его движением во мне из груди вырывается глухой протяжный стон.

Сильные руки до боли сжимают бедра, держат, чтобы я не упала. Правая ладонь опускается вниз, находит мой набухший клитор, трёт его, а толчки становятся сильнее.

Сжимаю свою грудь, ощущаю приближение оргазма, он, как снежная лавина, сметает все мои мысли, тело начинает потряхивать, мышцы вибрируют, очередной толчок, и меня накрывает. Сердце готово вырваться из груди, Егор прижимает меня к себе сильнее, делает последний толчок, изливаясь внутрь. Я чувствую его пульсацию, от этого снова сжимаются мышцы, пронося по телу последнюю волну моего оргазма. Нет слов, нет даже эмоций, я опустошена. Разве так бывает?

Глава 13

Егор

Это было безумие, чистой воды безумие. Дикое желание и страсть обладать этой женщиной здесь и сейчас, а ведь не хотел её трогать после того, как вынес без сознания из задымлённого дома.

Не видел и не замечал ничего вокруг себя, только Верино бледное лицо. Так и сидел с ней прямо на улице, звал, слегка тряс ее. Она сопротивлялась, слезы бежали по щекам. Мне было страшно, реально страшно, что с ней может что-то случиться, так остро кольнуло сердце. Страх, мой страх

потерять её здесь и сейчас.

Она очнулась, не понимая, что происходит, потом так крепко обняла, и, наверное, именно в этот момент я пропал. Нёс босиком по снегу в домик охраны, гаркнул на всех, чтобы не заходили. В горячий душ, чтобы она согрелась, а потом меня уже нельзя было остановить, её тонкие пальцы на моих губах, такой невесомый поцелуй, и мы падаем с обрыва в пропасть.

Не знаю, что было потом, как дать название тому безумию, что происходило. Кому расскажи – не поверят, что за мои почти сорок лет такого секса у меня не было, мы даже не предохранялись, хотя это было основным пунктом всегда. Вера своими стонами срывала все преграды и нарушала правила.

После оргазма, от которого гудело в ушах и не держали ноги, плавно выхожу из нее. Разворачиваю, двигаю снова в сторону душа, стоим так под струями воды, молча, открываю кабину, вокруг клубы пара, нахожу большой банный халат, укутываю в него Веру.

– Иди в комнату, я сейчас, – подталкиваю Веру к выходу.

Сам быстро вытираюсь, спускаюсь на первый этаж, из шкафа беру бутылку коньяка, два бокала. Вера сидит на кровати, с мокрых волос вода стекает на халат. Наливаю в бокал спиртное, подношу к её губам, она пытается сопротивляться, но я заставляю сделать пару глотков.

– Это чтобы не простыть, ты же понимаешь?

Сажусь на другой край кровати, пью прямо из бутылки, коньяк обжигает горло, делаю еще несколько глотков, пока в груди не разливается тепло. Поворачиваюсь к Вере, а она уже спит, привалившись к спинке кровати.

Аккуратно поднимаю, чтобы уложить под одеяло, сама устраиваюсь рядом, чтобы только посмотреть на неё спящую. Лицо спокойное, ресницы слегка подрагивают, полные, так жадно мной зацелованные губы приоткрыты. Смотрю, и мне хочется прикоснуться к ним, но не решаюсь. Двигаюсь чуть ближе, только прикрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от того, что меня кто-то трясет.

– Егор, проснись, – Вера настойчиво меня будит, трогая за плечо.

– Да, что случилось? – не могу сообразить, где я и что рядом делает Вера.

– Там, внизу, Глеб, я спускалась, чтобы попить, он хочет поговорить. Я, конечно, сказала, что ты спишь, но, видимо, что-то срочное.

Вера собрана, говорит без эмоций, будто ничего и не было. Туго завязан халат, она смотрит на меня и ждёт ответа.

– Да, хорошо, сейчас, – встаю, вижу, что совершенно голый, Вера, словно девочка, отводит глаза в сторону. Ей остается только залиться краской, и тогда точно сама невинность. Подбираю с пола покрывало, оборачиваю вокруг бедер, потираю лицо руками и спускаюсь вниз.

По Морозову видно – он не спал, и не спал уже давно.

– Ну, рассказывай, мой друг Глебушка, как наши дела и что это было за представление ночью, дом-то хоть цел?

– Дом цел, огня не было, сильное задымление, нашли три дымовых шашки, ну, те, что используют фанаты на матчах. Все три в левом крыле, две на первом и одна на втором.

– И что за фанат перепутал футбольное поле с моим домом?

– Выясняем.

– Камеры?

– Отключены.

– У нас завелась крыса?

– Не исключено. Скорее всего, да.

– Морозов, ты понимаешь, – я начинаю тихо закипать и повышать голос. – В моем доме, где херова туча охраны, ходит человек, который умеет отключать камеры и зажигает дымовые шашки, и заметь, чтобы не я задохнулся, а вы– вся охрана и персонал!

– Мы работаем, Егор, но это не всё.

– Что ещё?

– На подъезде к особняку, до поста охраны, нашли мертвых птиц.

– Это что, какая-то шутка?

– Не думаю.

– У птиц эпидемия, болезнь, что с ними, Глеб, почему я должен об этом думать, ну, решили они сдохнуть все у моего забора, где связь?

– Нет, Егор, это не эпидемия, им всем свернули шеи, их там больше двадцати, головы словно оторваны руками, вместе с костями, ну, в общем, мясо.

– Мясо, говоришь? Я из своей службы безопасности сделаю мясо, на фарш все пойдете! То долбаные фанаты, то орнитологи-садисты! Что дальше будет, Глеб?! Я приехал отдохнуть, а тут целый, мать его, детектив разворачивается!

Считал себя человеком сдержанным и невспыльчивым, но тут из меня выходил весь гнев, и даже не за то, что моя дырявая служба безопасности не может организовать безопасность мне, а за Веру.

– Да прекрати ты орать, Егор, сядь и подумай. Люди в тайге, происшествие в доме, птицы эти еще, все как-то связано. Покупка «Легранда», кто знает, что всё уже решено, осталось подписать несколько документов. Ты специально уехал сюда, даже я тут пасусь для отвода глаз от сделки. Мол, мы отдыхаем, охота, бабы, баня. Никто не знает, что сделка пройдет раньше, или знает, и нам пытаются помешать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.